

УДК 133.4:343

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-4-112-132

Следственные процессы о колдовстве: новые исследования

Рецензия на книги:

Emotions in the history of witchcraft /

Ed. by L. Kounine, M. Ostling.

London: Palgrave Macmillan, 2016. 321 p.

Михайлова Т.В. От колдуна до шарлатана:

колдовские процессы

в Российской империи XVIII века (1740–1800).

СПб.: Изд-во Европейского университета

в Санкт-Петербурге, 2018. 184 с.

Екатерина А. Кузнецова

независимый исследователь, Екатеринбург, Россия,

aikaterininero@gmail.com

Для цитирования: Кузнецова Е.А. Следственные процессы о колдовстве: новые исследования [Рец.]: Emotions in the history of witchcraft / Ed. by L. Kounine, M. Ostling. London: Palgrave Macmillan, 2016. 321 p.; Михайлова Т.В. От колдуна до шарлатана: колдовские процессы в Российской империи XVIII века (1740–1800). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 184 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 4. С. 112–132. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-4-112-132

Witchcraft investigations: new research

Books review:

Emotions in the history of witchcraft /

Ed. by L. Kounine, M. Ostling.

London: Palgrave Macmillan, 2016. 321 p.

Mikhailova T.V. From sorcerer to charlatan:
witchcraft processes in the Russian Empire
of the 18th century (1740–1800), St. Petersburg:
EUSPb Press, 2018. 184 p.

Ekaterina A. Kuznetsova

independent researcher, Ekaterinburg, Russia,

aikaterininero@gmail.com

For citation: Kuznetsova, E.A. (2021), “Witchcraft investigations: new research [Books review]: Kounine, L. and Ostling, M. (eds.) (2016), *Emotions in the history of witchcraft*, Palgrave Macmillan, London, UK; Mikhailova, T.V. (2018), *From sorcerer to charlatan: witchcraft processes in the Russian Empire of the 18th century (1740–1800)*, EUSPb Press, St. Petersburg, Russia”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 4, pp. 112–132, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-4-112-132

В рецензии речь пойдет о двух книгах, выпшедших с 2016 по 2018 г. и объединенных одной широкой темой – история колдовства. Стоит ли говорить о том, что исследование колдовства и его преследования церковными и светскими судами в Западной Европе – одна из самых хорошо разработанных областей зарубежных исторических исследований? Преследование «суеверий» в России сегодня также хорошо изучено историками¹. Сборник статей “Emotions in the history of witchcraft” [Emotions 2016] и монография Т.В. Михайловой «От колдуна до шарлатана» [Михайлова 2018] представляют собой последние (но не единственные) крупные работы по этой теме.

¹ Подробно об истории изучения «колдовских дел» в России см.: [Смилянская 2016, с. 20–32].

*Emotions in the history of witchcraft /
Ed. by L. Kounine, M. Ostling. London:
Palgrave Macmillan, 2016. 321 p.*

Книга представляет собой сборник очерков (*essays*), написанных в русле нового направления исторических исследований – истории эмоций². Среди авторов сборника – известные европейские и американские исследователи, в первую очередь историки, но также специалисты в области антропологии, авторы монографий о колдовстве, демонологии и народной религии разных регионов Европы. Этим обусловлено разнообразие исследуемого материала (литература, живопись, юридические документы) и исследовательских подходов. Временные рамки также не ограничены одним историческим периодом. Хотя в основном рассматриваются европейские материалы Нового времени (XVI–XVIII вв.), в сборнике представлены также результаты современных полевых исследований (см. статью Л. Цвисслер [Emotions 2016, pp. 249–269]) и сравнительное изучение исторических и современных полевых материалов (см. статью П. Гешьера [Emotions 2016, pp. 213–231]).

В очерках, представленных в сборнике, исследователи обращаются к ранее изученному ими материалу, но рассматривают его в новом ракурсе – в свете разработанной теории и методологии истории эмоций. В предисловии [Emotions 2016, pp. 1–15] редакторы сборника – Лаура Кунин и Майкл Остлинг³ ставят вопрос, на который предлагается ответить авторам очерков: какова роль эмоций в истории колдовства и что можно узнать об эмоциональной жизни людей в Европе раннего Нового времени, рассматривая документы разных регионов, связанные с колдовством? Отталкиваясь от традиционного образа ведьмы, который складывался как в европейской литературе, так и в колдовских процессах этого периода, Л. Кунин и М. Остлинг отмечают, что эмоции, традици-

² На это указывает не только название книги, но и серия, в которой она вышла, – “Palgrave Studies in the History of Emotion”. Подробнее о серии, целях издателей и вышедших книгах см. на сайте: Palgrave Macmillan. URL: <https://is.gd/qVdRuI> (дата обращения 27.09.2021).

³ Лаура Кунин – преподаватель истории раннего Нового времени в Университете Сассека, научный сотрудник Центра истории эмоций в Институте им. Макса Планка (Берлин), автор монографии о колдовстве в Европе раннего Нового времени [Kounine 2018]. Майкл Остлинг – научный сотрудник Аризонского университета и Университета Квинсленда, автор монографии, посвященной колдовству в Польше раннего Нового времени [Ostling 2011], автор работ по этноботанике, народной культуре.

онно ассоциирующиеся с колдовством – «безудержная страсть», гнев и агрессия – могли относиться не только и не столько к обвиняемым, сколько принадлежать самим обвинителям и судьям. Распутать этот клубок эмоциональных взаимодействий, проследить «эмоциональную динамику колдовства» [Emotions 2016, p. 3], по мнению авторов, задача историка.

Обозначая методологические рамки истории эмоций, Л. Кунин и М. Остлинг дают обзор терминов, сложившихся в этой области исследований, и указывают на нюансы использования этих понятий авторами сборника. Этот раздел предисловия очень важен, так как настраивает читательское восприятие: в нем раскрывается предмет изучения истории эмоций в целом и то, как авторы статей сборника используют этот методологический инструментарий. Так, ряд исследователей обсуждают стандартные эмоции, приписываемые «колдунам» обществом и социальными институтами в разные периоды. Для обозначения поддерживаемых в авторитетном дискурсе теорий эмоций используются термины “emotionology”⁴ и “emotional regime”. Один из общих вопросов, заданных в этом направлении авторами статей, – влияние на визуальное искусство, ученую демонологию и судопроизводство главного стереотипа, связанного с эмоциональным поведением ведьмы – “unbridled passion” – представление о ее безудержном и неконтролируемом гневе. Другие два термина, “emotional communities” и “emotional arenas”⁵, используются для описания уже не исторических дискурсов, а исторических реалий. Рита Вольтмер предлагает рассматривать суды с юридически подготовленными экспертами как тип «эмоционального сообщества» – социальной группы, определяемой «способами эмоционального выражения, которые она ожидает, поощряет, терпит и осуждает» [Emotions 2016, p. 12]. Говоря о «подлинных эмоциях» обвиняемых и участников колдовских процессов, авторы используют термины “emotional practices” и “emotives”⁶ – исторически и культурно обусловленные практики в первом случае и жесты, речевые акты – во втором, которые служили для генерации, выражения эмоций и управления ими.

Цель, поставленная редакторами сборника, – осветить различные аспекты истории эмоций, связанных с феноменом колдовства, – отражена в структуре сборника. Разделы книги соответ-

⁴ Термин, предложенный П. Стернс и К. Стернс в статье 1985 г., стоящей у истоков истории эмоций [Emotions 2016, pp. 231–232].

⁵ Термины Б. Розенвейн и М. Сеймура соответственно [Emotions 2016, p. 12].

⁶ Автор термина – Уильям Редди [Emotions 2016, p. 6].

ствуют выделенным Л. Куни и М. Остлингом «эмоциональным регистрам» (сам термин никак не поясняется авторами). В первой части, “In Representation”, в центре внимания исследователей находятся способы репрезентации эмоциональной жизни ведьмы в авторитетном дискурсе Европы раннего Нового времени: демонологических трактатах, литературе, живописи. В двух из четырех статей этого раздела Тамар Херциг [Emotions 2016, pp. 19–37] и Лаура Куни [Emotions 2016, pp. 57–77] предлагают по-новому взглянуть на известные демонологические трактаты: «Молот ведьм» Генриха Инститориса и «О почитании демонов» (“Remigii Daemonolatrea”) Николя Реми. Анализ источников с точки зрения теории эмоций пересекается здесь с гендерными исследованиями колдовства. Вторая часть книги, “On Trial”, по словам авторов предисловия, переводит читателя от «репрезентации реальности» к «истории опыта», а именно – отражению эмоций, эмоциональных практик и стереотипов в следственных делах о колдовстве раннего Нового времени (этот раздел будет рассмотрен подробно ниже). В третьей главе, “In the Mind”, исследователи обращаются к психологическим механизмам, лежащим в основе феномена колдовства. Например Эдвард Бевер объясняет действенность колдовства через «нейробиологию эмоциональной агрессии» [Emotions 2016, pp. 193–213], а Питер Гешьер, сравнивая случаи колдовства в деревне Камеруна (полевые исследования 1970 г.) и европейские колдовские процессы, исследует связь эмоций, возникающих в сфере близкого общения (между членами одной семьи и между соседями) и обвинений в колдовстве [Emotions 2016, pp. 213–231]. Последняя часть, “In History”, посвящена проблеме эмоционального осмысления истории. Лорел Цвисслер в своей статье рассматривает эмоции, возникающие по поводу академической концепции “the Burning time”, охоты на ведьм как борьбы против женщин в современной неоязыческой и феминистской субкультурах [Emotions 2016, pp. 249–269].

Я хочу подробнее рассмотреть вторую часть сборника, “On Trial”. Раздел включает пять очерков, в которых главным образом анализируются следственные процессы о колдовстве. Авторы не ограничиваются изучением юридических документов. В центре внимания оказываются также извлеченные из следственных дел рукописные заговоры (В. Кивельсон), народная литература о колдовстве (Ш.-Р. Миллар). Основной вопрос, к которому так или иначе обращаются авторы этого раздела: возможно ли извлечь из текстов следственных дел подлинные эмоции (как негативные – страх, ненависть, зависть; так и позитивные – привязанность, любовь) участников следственных процессов: подозреваемых, жертв и свидетелей?

Раздел открывает статья Риты Вольтмер⁷ “The Witch in the Courtroom: Torture and the Representations of Emotion” [Emotions 2016, pp. 97–116]. Основной корпус материалов, с которыми работает исследовательница, – документы следственных процессов лютеранских регионов Германии (герцогство Вюртемберг). В отношении извлечения из материалов следственных дел «подлинных эмоций» участников следствия Р. Вольтмер занимает радикальную позицию: в немецких юридических документах (протоколы заседаний в местных судах, записи из апелляционных судов, секретные письма обвиняемых из тюрем) можно найти только репрезентации эмоций, соответствующие стереотипам, принятым разными эмоциональными сообществами, с одной стороны – судей и следователей, с другой – обвиняемых.

Важным фактором, который обусловил эмоциональные привычки судей и обвиняемых в ситуации допроса, по мнению Р. Вольтмер, было применение пыток. Один из разделов статьи исследовательница посвящает значению этого судопроизводственного инструмента в Германии Нового времени в трех аспектах: судебном (пытка как инструмент получения признания), трансцендентальном (пытка, осмысляемая как экзорцизм и подготовка к исповеди) и политическом (пытка как демонстрация силы государства). Автор убедительно показывает, что о «подлинных» эмоциях, которые вызывала пытка у обвиняемых и мучителей, мы можем судить только по косвенным данным. В документах же складывается определенный эмоциональный облик ведьмы, с одной стороны, и представителя судопроизводства – с другой, причем способ «прочтения» эмоциональных привычек подсудимых и их отражения в протоколах был обусловлен религиозными и правовыми нормами их интерпретации. Это показано на нескольких примерах: «бунтарское поведение» подсудимой связывалось с представлением о «черной желчи», управляющей телами колдунов и вызывающей дьявольскую меланхолию, что для следователей обозначало связь ведьмы с дьяволом [Emotions 2016, p. 105]; стереотипное описание эмоционального поведения ведьмы после признания в протоколах – слезы «раскаяния и благодарности» – было связано с концепцией пытки как религиозной практики изгнания дьявола из тела подсудимой и ее духовного освобождения [Emotions 2016, p. 107]. В других типах источников, как показывает Р. Вольтмер, используется противоположный эмоциональный код. В судебных исках, петициях и секретных письмах из тюрем большое внимание уделено эмоциональному облику следо-

⁷ Р. Вольтмер – преподаватель Трирского университета, автор ряда монографий о колдовстве в раннее Новое время.

вателя: он представлен как человек, подверженный гневу и страстям, и противопоставлен подсудимому как невинному мученику, вынужденному терпеть пытки тирана.

Рассмотрение исторических документов как текстов, выстраивающихся по определенным законам, сосредоточенность на дискурсе – сильная сторона исследования Р. Вольтмер. Изучая описания судопроизводственного процесса в документах, не отделяя их от признаний подсудимых, она показала, что тексты протоколов складывались в ретроспективный «макронарратив» (*macro-narrative*) о духовном и телесном освобождении грешницы: ведьма оказывается соблазненной дьяволом и через пытку и телесные страдания приводится к признанию и покаянию. Личная история отношений с дьяволом заканчивается казнью. Репрезентация эмоций играла здесь не последнюю роль. Такой нарратив, по мнению исследовательницы, имел правовую функцию: изображается законный процесс, в котором вина ведьмы полностью доказана [Emotions 2016, p. 109]. В заключение Р. Вольтмер указывает на сложность и динамичность юридических норм репрезентации эмоций, их зависимость от изменения правового (смягчение применения пыток), конфессионального (следственные процессы протестантских и католических регионов), политического и социального контекстов. Она указывает на необходимость всестороннего анализа протоколов следственных дел о колдовстве с учетом всех этих факторов [Emotions 2016, pp. 111–113].

О механизмах и сдерживающих факторах возникновения обвинений в колдовстве в сообществах Лотарингии пишет Робин Бриггс в очерке, посвященном эмоциям и аффектам во французских следственных делах XVI–XVII вв. [Emotions 2016, pp. 137–153]. Согласно статистическим данным, судебные документы Лотарингии указанного периода отражают большую, конкурирующую с центральноевропейскими территориями интенсивность преследований колдовства. Р. Бриггс показывает, что на местном уровне сдержанность в отношении к колдовству оказывается более очевидной, чем стереотипная «необузданная ярость». Исследователь обосновывает свою позицию, анализируя показания свидетелей, письма о помиловании, обращаясь к статистическим данным (например, соотносит высокий уровень детской смертности и относительно небольшое количество обвинений в колдовстве при том, что чаще всего «жертвами» колдовства становились дети). Ситуацию, отраженную в следственных делах Лотарингии, Р. Бриггс описывает с помощью модели «ограниченного насилия», согласно которой проявление прямой агрессии по отношению к подозреваемым и официальные доносы на колдунов ограничивались сдерживающими факторами (страх буду-

щей мести ведьмы, риск предстать перед следователями не только в качестве свидетеля или доносчика, но и в качестве обвиняемого) и терапевтическими механизмами, которые предоставляла традиция (практика обращения к колдунам-предсказателям для уточнения подозрения, просьбы подозреваемых об излечении «жертв»). Как показывает Р. Бриггс, при постоянно присутствующей угрозе колдовства, обвинения в колдовстве в деревнях Лотарингии возникали «в момент сильного эмоционального напряжения» и угасали с окончанием кризисной ситуации. Автор заключает, что арест и следствие часто становились результатом «всплеска эмоций на уровне группы» и интенсивного объединения людей против подозреваемых в колдовстве. Стоит отметить, что рассмотрению социального и культурного контекста возникновения обвинений в колдовстве в Европе, а также подробному региональному и социальному исследованию колдовских процессов в Лотарингии посвящены две крупные монографии Р. Бриггса [Briggs 2002; Briggs 2007]; статья построена на материалах второй работы автора и частично – на тезисах, представленных в ней, поэтому содержит множество отсылок к работе.

К изучению положительных эмоций в истории колдовства обращаются авторы других статей раздела – В. Кивельсон⁸ и М. Остлинг. Их работы объединяет характер анализируемого материала. Во-первых, они рассматривают следственные дела славянских регионов: русские и польские. Во-вторых, в центре внимания исследовательниц оказываются не только протоколы допросов, но и извлеченные из документов следствия тексты любовных заговоров. Однако их подходы и методы отличаются. Основной вопрос, который интересует М. Остлинга, – вопрос о культурном языке, на котором обвиняемые и свидетели в следственных делах говорят о своих реальных чувствах и переживаниях; В. Кивельсон интересуется феноменом перехода языка и принципов любовной магии из сферы личного взаимодействия в сферу социального и политического.

Остановимся подробнее на этих статьях. В. Кивельсон [Emotions 2016, pp. 117–135] обратила внимание на интересную особенность русских заговоров «на власть» (на судей, начальников, помещиков) – заимствование языка и «аффективных стратегий» из любовных заговоров. Эту особенность – включение формул любовных заговоров (таких как описание магического

⁸ В. Кивельсон – профессор Мичиганского университета, автор монографии о русских следственных процессах о колдовстве XVII в. “Desperate magic: the moral economy of witchcraft in seventeenth-century Russia” [Kivelson 2013].

преображения адресанта, приводящее адресата заговора в восторг, изображение тоски и страданий, которые должен испытывать адресат) в социальные заговоры была отмечена российскими фольклористами [Восточнославянские заговоры 2014, с. 58]. В. Кивельсон предлагает социологическое объяснение такого текстуального перехода, осмысленного в рамках теории «эмоционального сообщества». Важным для нее оказывается представление о физической близости как условии эффективности магических практик, отраженное в показаниях подследственных в делах XVII в. о случаях применения любовной магии. Эффективность социальной магии, которая производилась «на расстоянии», требовала преодоления дистанции, которому, по мнению В. Кивельсон, способствовали две особенности текстов любовных заговоров: представление об агентности эмоций и неопределенность адресата. Приводя примеры из текстов рукописных заговоров XVII–XVIII вв. (в том числе опубликованных А.Л. Топорковым, Е.Б. Смилянской), исследовательница показывает, что тоска (и другие связанные с ней эмоции) и любовь представлены в русских заговорах как высвобожденные и действующие силы, способные преодолевать расстояния и изменять намерения людей. Неопределенность адресата, выраженная в формуле «имярек», позволяла использовать магические формулы, предназначенные для сферы непосредственного общения, в сфере социальных отношений, выстраивая отношение с анонимным адресатом по той же модели, что и с объектом любовных переживаний. То, что заговоры ко власти были направлены на манипулирование эмоциями «сильных людей» (вызов страха и восхищения у судей, чиновников), исследовательница связывает со спецификой общества Московской Руси XVII в. – жесткое иерархическое общество, социальные отношения в котором выстраивались по модели сыновней и родительской любви. Московское общество XVII в. характеризуется В. Кивельсон как общество протекции со стороны «сильных» и вызывания к жалости и защите (*pathos*) со стороны подчиненных⁹. Эмоциональные связи, по мнению исследовательницы, были очень важны в иерархических отношениях, так как скрепляли общество и давали людям «хрупкую концептуальную поддержку» в отношениях с вышестоящими [Emotions 2016, p. 133].

Майкл Остлинг в своей статье, посвященной польским следственным делам XVII в. [Emotions 2016, pp. 155–171], говорит

⁹ Такая трактовка в целом соответствует концепции магии как инструмента стабилизации жесткой социальной иерархической структуры русского общества XVII в., которая представлена в монографии В. Кивельсон [Kivelson 2013].

о невозможности поиска «подлинных эмоций» любви и привязанности в текстах заговоров, так как язык заговора предоставляет ритуализованную форму выражения сильных эмоций и не всегда соответствует прагматической цели его использования. Выражения «подлинных эмоций» М. Остлинг находит в текстах показаний. Он подробно анализирует показания Софьи Барановой, обвиненной в 1643 г. в колдовстве, как пример осмысления личной истории через демонологические стереотипы, т. е. через мотивы ученой демонологии и польского фольклора о демоне-любовнике. По словам автора, нарратив Барановой показателен своими отличиями от других сходных признаний. Во-первых, показания даны без наводящих вопросов следователя и без воздействия пытки. Содержательно они также отстают от стереотипных историй о любовной связи с дьяволом: «дьявол» является Софье в образе умершего мужа; несмотря на отталкивающие демонические свойства, обвиняемая охотно вступает с ним в связь. По словам М. Остлинга, перед нами индивидуальный нарратив, в котором Софья, заимствуя демонологический язык описания и активно используя стереотипы и распространенные демонологические мотивы, находит способ осмысления и выражения индивидуальных чувств (любовь к прежнему мужу, ненависть к нынешнему). Этот вывод, по мнению автора, носит методологический характер для истории эмоций на материале следственных процессов: изучая индивидуальные чувства участников следственного процесса, нужно учитывать конвенциональные элементы и мотивы, через которые эти чувства осмысляются. Стоит отметить, что, интерпретируя демонологические показания как способ осмысления обвиняемыми своих тревог и переживаний посредством «демонологического языка», М. Остлинг опирается на методологию Л. Ропер, которая анализирует действия обвинителей и обвиняемых посредством психоаналитического и психологического инструментария [Roper 1994].

Отмечая ценность основного вывода автора, хочется обратить внимание на недостатки в анализе показаний. М. Остлинг вскользь замечает, что в индивидуальных показаниях обвиняемой о любовной связи с демоном в облике покойного мужа в какой-то момент начинают появляться черты стандартной, т. е. соответствующей стереотипам следствия, линии связи ведьмы и нечистой силы (личное имя персонажа заменяется на неопределенное «этот демон», появляется мотив отречения от Бога и др.). Для автора, однако, оказалось несущественным разделение фольклорных демонологических мотивов и элементов ученой и юридической демонологической традиции в личном нарративе Софьи. Сравнение показаний Софьи с мифологическими текстами польского

фольклора о духе-любовнике, в частности о черте, являющемся женщине в облике умершего мужа, позволило бы глубже осмыслить проблему, связанную с функцией демонологических нарративов как проекции личных эмоций и переживаний. Можно предположить, что именно язык фольклорной традиции давал ресурсы для осмысления личной истории (ср. восточнославянские былички о любовной связи покойного мужа и тоскующей после его смерти женщины).

Близкий подход к анализу показаний подозреваемых [Emotions 2016, pp. 173–189] использует Шарлотта-Роуз Миллар. Анализируя английские популярные памфлеты о судах над ведьмами конца XVI–XVII вв., Ш.-Р. Миллар пересматривает принятую в историографии концепцию колдовства в Англии как преимущественно вредоносного преступления (*malefic crime*), мало связанного с демонологической идеей. В памфлетах¹⁰, как показывает исследовательница, тема договора ведьмы с дьяволом актуализируется довольно часто, преимущественно через фигуру зооморфного демонологического персонажа – «домашнего духа» (*familiar*). Ш.-Р. Миллар ограничивает круг материалов памфлетами о трех группах обвиняемых ведьм, выпускаемыми в период с 1589 г. по 1687 г. Анализируя тексты памфлетов, в которых подробно описана ситуация знакомства с дьяволом в виде домашнего духа, последующие отношения с ним и действия, исполняемые с его помощью, Ш.-Р. Миллар пытается выявить эмоциональный подтекст этих повествований.

Ссылаясь на Л. Ропер, упоминая концепцию самоанализа женщины, обвиняемой в колдовстве, через демонологический нарратив, Ш.-Р. Миллар рассматривает фигуры домашних духов как воплощение подавляемых эмоций подозреваемых. Позволяя ведьмам действовать в соответствии с их эмоциями (наделяя вредоносными силами, помогая в порче, привороте), домашние духи, по мнению исследовательницы, воплощают в себе «сокровенные желания» ведьмы. Значимым оказывается и характер их отношений, принимающих форму материнских или любовных (сосание домашним духом груди ведьмы, крови из ее щеки, поцелуй ведьмы и духа), что в отдельном случае также рассматривается как про-

¹⁰ Жанр популярной английской литературы XVI–XVII вв. Это были тексты, написанные профессиональными авторами для продажи в широкой среде читающей публики. Памфлеты о ведовских процессах представляют собой сложно структурированный текст, который мог включать в себя устные свидетельства, документы следствия, переработанные и структурированные в соответствии с замыслом автора, или быть полностью авторским текстом. Подробнее см.: [Игина 2009].

екция желаний ведьмы. Осмыслением своих неконтролируемых желаний и страхом перед ними исследовательница объясняет появление таких мотивов в повествованиях ведьм, как исчезновение домашнего духа после убийства ребенка, невольные вредоносные действия, которые заставляет делать дьявол.

Рассмотрение в новом ракурсе хорошо изученного материала – английских памфлетов о колдовстве – можно поставить в заслугу автору. Однако следует отметить один существенный недостаток в анализе текстов демонологических повествований. Неоднократно указывая на сложность использования памфлета в качестве источника для реконструкции представлений о колдовстве, автор не учитывает текстологические сложности при их анализе. Ш.-Р. Миллар различает голоса памфлетиста и обвиняемой, указывая возможные интерпретации – личную и «официальную» – некоторых сюжетных элементов (например, исчезновения домашнего духа после убийства ребенка). Но повествования о демонических помощниках интерпретируются так, как если бы они были прямыми устными свидетельствами, не прошедшими, с большой долей вероятности, разные фильтры: от судопроизводительного до авторского. Возможно, текстологический комментарий не присутствует в связи с ограниченным объемом статьи.

Несмотря на некоторую предварительность выводов в очерках, сборник (в первую очередь я говорю о разделе “On Trial”), посвященный пересмотру классических источников о колдовстве с использованием новой концептуальной рамки, представляет интерес не только для историков, специализирующихся на изучении истории колдовства и эмоций в Европе раннего Нового времени, но и для широкого круга специалистов в сфере антропологии и фольклористики. Стоит также отметить и богатую библиографическую базу, которая знакомит читателя как с классическими работами по истории колдовства, так и с новейшими, отражающими новые тенденции и подходы в изучении этого феномена.

*Михайлова Т.В. От колдуна до шарлатана:
колдовские процессы в Российской империи
XVIII века (1740–1800).
СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2018. 184 с.*

Вторая рецензируемая книга вышла в 2018 г. в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге в серии “Studia Ethnologica”. Ее автор – кандидат исторических наук Татьяна Владимировна Михайлова. Монография написана на основе диссертации

ции, созданной под руководством доктора исторических наук А.С. Лаврова и защищенной автором в 2003 г. Надо сказать, что работа Т.В. Михайловой давно вошла в научный контекст и известна среди специалистов не только в виде диссертации, но и в виде отдельных статей [Михайлова 2000; Михайлова 2002; Михайлова 2006]. Однако выход книги – важное событие: доработанная диссертационная работа теперь доступна более широкой читательской аудитории, и не только академической.

Монография Т.В. Михайловой представляет собой четвертую крупную работу, посвященную следственным процессам о колдовстве в России среди отечественных исследований [Лавров 2000; Смилянская 2016]. Автор отходит от традиции рассмотрения колдовских процессов в более широком ряду «дел духовных» (термин Е.Б. Смилянской) и религиозных, как это делали предшествующие исследователи, и концентрируется именно на делах с «волшебной коллизией». Научным контекстом обусловлены и выбранные автором хронологические рамки работы: с 1740 по 1800 г. Источники, которые легли в основу исследования, по словам Т.В. Михайловой, являются продолжением ряда «первичных дел», рассмотренных ее научным руководителем А.С. Лавровым в монографии, посвященной религиозной жизни общества в период с 1700 по 1740 г. [Лавров 2000]¹¹. Т.В. Михайлова тем не менее не ограничивается указанными датами. Изучая следственные процессы в исторической динамике, автор в отдельных случаях обращается как к материалам первой половины XVIII в. (чаще всего ссылаясь на А.С. Лаврова), так и к материалам первой половины XIX в. (найденным ею).

Работа написана на большом корпусе источников. В основном это архивные материалы (следственные дела (127), дела врачебных управ, доношения о суевериях) из фондов центральных учреждений, представленных в РГАДА и РГИА. Ценно то, что Т.В. Михайлова привлекает дела региональных архивов (ГАПО и ГААО), которые до этого не были обследованы. Среди дополнительных источников можно назвать нормативные (указы и законодательные акты), религиозные издания, народную литературу (гадательные книги), публицистические издания и этнографические заметки.

Выбранные хронологические рамки и большой круг привлеченных источников связаны с попыткой исследовать феномен колдовского процесса на фоне изменяющихся во второй половине XVIII в. правовых норм и объяснительных моделей. В предисло-

¹¹ Монография Е.Б. Смилянской также в основном касается колдовских процессов первой половины XVIII в. [Смилянская 2016].

вии автор озвучивает задачи исследования: «выявить и описать противоречия, которые существовали между разными правовыми традициями и разными социальными группами, и взглянуть на них в динамике их изменений на протяжении сравнительно короткого исторического периода», изучить «магическую повседневность» XVIII в., ответить на ряд общих вопросов – о причине возникновения колдовских процессов, их специфике в конкретных географических и хронологических рамках. На мой взгляд, эти формулировки несколько размыты; также не озвучены другие задачи, которые решает автор: посмотреть, как была представлена концепция «колдовства» и «волшебства» в разных дискурсивных пространствах, в том числе публицистическом и этнографическом дискурсах XIX в. (чему посвящены две последние главы книги).

Исследование проведено с применением методов социальной истории, сравнительно-исторического метода, а также с опорой на методы антропологии. В работе с источниками Т.В. Михайлова следует за подходом А.С. Лаврова и ставит цель обработать не случайную выборку, а массив однородных дел, т. е. ряд дел с одинаковой коллизией одного времени, найденных в центральных судебных инстанциях.

Первая глава посвящена изменению законодательных норм в отношении к колдовству. Т.В. Михайлова внимательно и подробно анализирует тексты законодательных актов о «колдовстве», «волшебстве» и «суевериях», прослеживая постепенное изменение концепции колдовства: от восприятия его как реальности до признания несуществующим. Причем автор обращает внимание как на постепенное изменение семантики понятия (колдовство как богохульство, колдовство как обман и т. д.), так и на отражающую ее юридическую терминологию. Исследовательница показывает, что настоящий перелом в понимании властью «волшебства» и риторике соответствующих законодательных актов произошел в екатерининское время.

В этой же главе рассматривается вопрос об эффективности исполнения законодательных норм в российском судопроизводстве. Вслед за А.С. Лавровым Т.В. Михайлова считает колдовские процессы XVIII в. результатом религиозной политики Петра I, призванной установить контроль за всеми проявлениями «нерегулярной религиозности». На примерах отдельных следственных дел и с привлечением статистических данных показано, что власть так и не создала «эффективно работающего механизма пресечения колдовства» и не смогла воспитать лояльных подданных, способных доносить о запрещенных практиках. По мнению Т.В. Михайловой, причины следует искать как в недостаточной заинтересованности власти в направленном преследовании колдунов, так

и в несовпадении официального и народного осмысления «магической повседневности». Так, многие магические практики, которые запрещались властью, могли не трактоваться подданными как запретные, что автор убедительно показывает на примере чистосердечных признаний в использовании заговоров, а идея, лежащая в основе массового преследования волшебников силами крестьянской общины (убежденность в силе колдовства), не совпадала с мотивами преследования со стороны властей.

Во второй главе, «По следам вещдоков: магические практики и представления о волшебном в разных социальных группах», автор переходит от рассмотрения правового контекста следственных процессов к описанию «магической повседневности» XVIII в. Эта глава, на мой взгляд, является одной из самых интересных как в методологическом плане, так и в плане представленного в ней материала. По словам Т.В. Михайловой, в этой главе она описывает этнографическую составляющую колдовских процессов с целью понять суть «самого колдовского процесса» [Михайлова 2018, с. 44]. Формулировка цели расплывчата, но она проясняется в процессе чтения. Структура главы обусловлена принципом группировки данных: вслед за судьями XVIII в. исследовательница исходит из вещественных доказательств в волшебных делах, выстраивая их в соответствии с «иерархией подозрительности». Так, первыми в списке оказались заговоры и рукописные тексты, вторыми – травы и корни, третьими – кости для гадания. Т.В. Михайлову интересуют «области смыслов», которыми наделяли эти предметы как судьи, так и подследственные. Автор прослеживает, как менялись эти смыслы, как смена парадигм, рационализаторские тенденции Просвещения влияли на формулировки и санкции судей, как нормативные установки постепенно начинали отражаться и в речи подследственных. Один из интересных примеров – «область смыслов», связанная с травами и корешками, которые в большом количестве находили на улицах. Становясь вещдоками в контексте следствия, они могли актуализировать разные значения: «волшебство», «отрава», «медицинское средство». Т.В. Михайлова показывает, как в следственных документах второй половины XVIII в. могли быть актуализированы сразу два значения, что отражалось в формулировках судей и подследственных: «отравление ... волшебным смертным ядом», «оной медикомент приворот корень чтоб девки любили» [Михайлова 2018, с. 59–60]. Различные трактовки могли вызвать спор у двух инстанций: совестный суд не принимает в свое рассмотрение дело об отравлении, которое земский суд назвал «волшебным». Кроме того, Т.В. Михайлова рассматривает «область смыслов», связанных с травами, и в более общем правовом контексте: отношение

к народной медицине в судопроизводстве (практики, которые ранее судили как «волшебные», а к концу XVIII в. – чаще как незаконное лечение и шарлатанство), распространение практики медицинских экспертиз.

Вторая часть главы не согласуется с выбранной автором структурой, но подход к материалу тот же. Здесь уже говорится не о вещдоках, но о стереотипах, связанных с колдовством (имеются в виду прежде всего стереотипы следователей, но Т.В. Михайлова также показывает, как в отдельных случаях они соотносились с представлениями подсудимых). Так, колдуна, согласно текстам допросов, выдает способ произнесения текста заговора – нашептывание. Также автор рассматривает те мотивы и действия подозреваемых, которые актуализируют концепт «богохульное» (попрание креста, отречение от Бога, мотивы договора с нечистой силой).

Такой тонкий анализ с большим вниманием к языку источника (что характеризует, пожалуй, всё исследование Т.В. Михайловой), безусловно, следует отметить как заслугу автора. Однако есть и недостатки. При чтении названия главы складывается ощущение, что автор будет говорить о различиях в представлении «волшебного» в разных социальных группах. В самом тексте исследовательница ограничивается лишь попутным замечанием о том, что подавляющее большинство заговоров содержится в следственных делах, участниками которых было духовенство, и слишком обобщающим выводом ко всей главе: «Как видим, общие представления о волшебном разделяют все слои населения» [Михайлова 2018, с. 83]. Несоответствие столь подробного и глубокого анализа текстов следственных дел и такого абстрактного вывода налицо.

В третьей главе монографии Т.В. Михайлова рассматривает следственные дела с точки зрения социальной истории и предлагает типологию следственных дел о колдовстве второй половины XVIII в. по социальному критерию. Этот социально-исторический ракурс также является продолжением одной из линий исследований А.С. Лаврова, который выделял «аккультурационную» и «демократическую» модели преследования и выстраивал типологию конфликтов в колдовских делах по социальному составу пар «доносчик – обвиняемый» [Лавров 2000, с. 372–375]. Т.В. Михайлова делит следственные дела на две группы: те, которые являются продолжением социального конфликта (т. е. по доносу), и те, которые возникли от случайного столкновения с властью («волшебная коллизия» вскрывается в рамках другого гражданского или уголовного дела). Дела по доносу, в свою очередь, различаются по типу конфликта: семейный, между соседями, в среде духовенства, в дворянской усадьбе. Рассматривая комплекс однотипных дел,

автор выделяет схемы этих типов, мотивы донощиков и стратегии защиты обвиняемых. Например, процессы, происходящие внутри семьи, строились таким образом: родственник с высоким социальным статусом доносит на домочадца с более низким статусом (женщины и малолетние); мотив этих доносов – страх за свою жизнь, а распространенная стратегия защиты – представить цель магических действий не как вредоносных, а как приворотных или направленных на расположение к себе домочадца. Такой анализ позволяет автору выявить социальные причины возникновения обвинений в колдовстве. Так, большой процент обвинений среди представителей клира автор объясняет ограниченными возможностями продвижения по службе в структуре прихода, поэтому основной мотивацией доносов становится борьба за место.

Приведенная классификация имеет ряд недостатков. Во-первых, в ее основу положены разные основания: социальная среда, в которой происходит конфликт (духовенство, между помещиком и крестьянином), и характер взаимоотношений между конфликтующими сторонами (семейные, соседские). Во-вторых, в следственных делах, причиной которых стало случайное столкновение с властью, также могут обнаруживаться разные типы социальных конфликтов, протекающих подспудно, до следствия. Автор концентрируется только на тех случаях, когда конфликт решается непосредственно через механизмы власти (т. е. донос), хотя и отмечает, что количество дел, возникших случайно, превышает количество дел по доносу. Социальный состав и механизмы такого типа дел также было бы интересно проследить. Однако подход, выбранный автором, без сомнения, имеет большую эвристическую ценность.

Три последние главы монографии посвящены богословскому, публицистическому и этнографическому дискурсам о колдовстве. В четвертой главе Т.В. Михайлова, анализируя тексты церковных постановлений о волшебстве, входящих в Кормчую книгу, переписку Сената и Синода (по делу об устюжских чародеях 1764–1768 гг.), рапорты местного духовенства в центральные учреждения, показывает, что, несмотря на общность риторики (колдун осмысляется как мошенник, порча – как отравление), в случаях, связанных с кликушеством и одержимостью, церковная традиция вступала в явные противоречия с «новыми веяниями эпохи»: установкой на реальность одержимости бесом, которая поддерживалась церковными практиками «отчитывания» кликуш. В этой главе также рассматривается отличие западноевропейского и русского богословских дискурсов, проблема взаимоотношения церкви и государства, взаимодействия культурных установок приходского духовенства и прихожан.

В пятой главе рассматривается «новый взгляд на волшебное». В последней четверти XVIII в. тема «колдовства» и «волшебства» начинает обсуждаться не только в юридическом, но и в другом дискурсивном пространстве – публицистическом. На страницах журналов («Трудолюбивая пчела», «Всякая всячина», «Живописец») появляются произведения, в которых начинают фигурировать новые персонажи – суевер и колдун. Как показывает Т.В. Михайлова, они представлены вполне в духе просветительской концепции: суевер – необразованный и глупый человек, который верит в гадания и предсказания, а колдун – пользующийся суевериями людей обманщик. Просветительская концепция колдовства отражена даже в таких популярных изданиях, как сонники, оракулы, гадательные книги, которые, казалось бы, рассчитаны на «суеверную» аудиторию. Анализируя предисловия к таким изданиям, Т.В. Михайлова показывает, что авторы стремились отразить всю несерьезность представленных в них гаданий, что актуализировало новые оттенки смыслов: волшебство как игра (невинная забава, увеселение), волшебство как фокус.

Последняя глава – «От колдовского дела к этнографической заметке» – в каком-то смысле подводит итог всего исследования и даже выходит за его рамки (в том числе хронологические). На основе имеющихся в подборке автора документов первой половины XIX в. (из фонда Синода и региональных фондов совестных судов) Т.В. Михайлова прослеживает процесс окончательного закрепления просвещенческих норм в отношении к магии и колдовству в судопроизводственной практике (уменьшение количества дел, весь спектр антисуеверной риторики в протоколах, изменение конфигурации и названия процессов). Кроме того, показано, как тема колдовства, постепенно исчезая из юридической сферы, переходит в сферу интересов общественных деятелей и ученых (юристов, врачей, этнографов). На примере публицистических заметок конца XIX в. автор показывает, какие области смыслов, связанных с прогрессивным взглядом на «религиозно-магические воззрения крестьян», здесь актуализируются. На мой взгляд, последняя глава ценна в том числе тем, что открывает путь для дальнейших исследований преследования «суеверий» уже XIX в. и дискуссий на тему колдовства, ведущихся общественными деятелями и учеными в конце XIX в.¹²

¹² Здесь уместно вспомнить одну из глав монографии К. Воробек, которая посвящена проблеме обсуждения феномена кликушества этнографами, медиками и писателями второй половины XIX в. [Worobec 2001, pp. 109–146].

Отдельно стоит отметить характер подачи архивных материалов: на протяжении всей книги автор часто обращается к пространственным цитатам из источников, довольно подробно пересказывает отдельные процессы. Один из ярких примеров: полное цитирование заговора, найденного у пономаря из Псковской губернии Алексея Агеева, и развернутого текстологического анализа этого заговора, сделанного сотрудниками совестного суда [Михайлова 2018, с. 47]. Наличие таких цитат – достоинство работы. Во-первых, потому, что многие из источников публикуются впервые. Кроме того, это полезно для читателя, который незнаком с таким типом источника и не имеет представления о его текстовых особенностях. В книге также есть приложения, в которых публикуются архивные источники (примеры доносов, списки заговорных и апокрифических текстов, составленных при обысках, тексты покаяний) и библиографический список гадательной литературы, издаваемой в XVIII в. Опубликованные материалы – не только дополнительный иллюстративный материал к книге, они имеют и самостоятельную ценность и могут быть использованы в качестве источников для дальнейших исследований.

Кроме уже отмеченных достоинств книги, хочется сказать, что исследование Т.В. Михайловой – увлекательное научное чтение. Написанная живым языком, построенная на основе анализа большого корпуса источников, книга будет полезна и интересна не только историкам, антропологам и фольклористам, но и большому кругу читателей.

Литература

- Восточнославянские заговоры 2014 – Восточнославянские заговоры: Материалы к функциональному указателю сюжетов и мотивов: Аннотированная библиография / Авт.-сост. Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2014. 320 с.
- Игина 2009 – *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии: Антропология зла. СПб.: Алетейя, 2009. 328 с.
- Лавров 2000 – *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 576 с.
- Михайлова 2000 – *Михайлова Т.В.* Представители духовного сословия в колдовских процессах второй половины XVIII века // Вестник молодых ученых. Сер. ист. наук. 2000. № 5. С. 31–40.
- Михайлова 2002 – *Михайлова Т.В.* Русское законодательство в отношении колдовства: правовая база русских колдовских процессов второй половины XVIII века и ее специфика // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. статей. Вып. 2 / Отв. ред. А.К. Байбурин.

- СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002. С. 170–193.
- Михайлова 2006 – Михайлова Т.В. Магические практики: преступление и повседневность: (по материалам «волшебных дел» второй половины XVIII в.) // Сны Богородицы: исслед. по антропологии религии / Под ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 32–52.
- Михайлова 2018 – Михайлова Т.В. От колдуна до шарлатана: колдовские процессы в Российской империи XVIII века (1740–1800). СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 183 с.
- Смилянская 2016 – Смилянская Е.Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М.: Ломоносов, 2016. 384 с.
- Briggs 2002 – Briggs R. *Witches and neighbours: the social and cultural context of European witchcraft*. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. 416 p.
- Briggs 2007 – Briggs R. *The witches of Lorraine*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 404 p.
- Emotions 2016 – *Emotions in the history of witchcraft* / Ed. by L. Kounine, M. Ostling. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 322 p.
- Kivelson 2013 – Kivelson V. *Desperate magic: the moral economy of witchcraft in seventeenth-century Russia*. L.: Cornell University Press, 2013. 349 p.
- Kounine 2018 – Kounine L. *Imagining the witch: emotions, gender, and selfhood in Early Modern Germany*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 279 p.
- Ostling 2011 – Ostling M. *Between the devil and the host: imagining witchcraft in Early Modern Poland*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 279 p.
- Roper 1994 – Roper L. *Oedipus and the devil: witchcraft, sexuality and religion in Early Modern Europe*. L.: Routledge, 1994. 264 p.
- Worobec 2001 – Worobec C. *Possessed: women, witches, and demons in imperial Russia*. De-Kalb: Northern Illinois University Press, 2001. 288 p.

References

- Agapkina, T.A. and Toporkov, A.L. (comp.) (2014), *Vostochnoslavjanskije zagovory: Materialy k funkcional'nomu ukazatelyu syuzhetov i motivov. Annotirovannaya bibliografiya* [East Slavic conspiracies: materials for a functional index of plots and motives. Annotated bibliography], Indrik, Moscow, Russia.
- Briggs, R. (2002), *Witches and neighbours: the social and cultural context of European witchcraft*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.
- Briggs, R. (2007), *The witches of Lorraine*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Igina, Yu.F. (2009), *Vedovstvo i ved'my v Anglii. Antropologiya zla* [Witchcraft and witches in England. Anthropology of evil], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.
- Kivelson, V. (2013), *Desperate magic: the moral economy of witchcraft in seventeenth-century Russia*, Cornell University Press, London, UK.

- Kounine, L. (2018) *Imagining the witch: emotions, gender, and selfhood in Early Modern Germany*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Kounine, L. and Ostling, M. (ed.) (2016), *Emotions in the history of witchcraft*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Lavrov, A.S. (2000), *Koldovstvo i religiya v Rossii: 1700–1740 gg.* [Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia.
- Mikhailova, T.V. (2000), “Members of the clergy in witchcraft processes in the second half of the 18th century”, *Vestnik molodyh uchenykh, seriya: istoricheskie nauki*, no. 5, pp. 31–40.
- Mikhailova, T.V. (2002), “Russian legislation in relation to witchcraft: the legal basis of Russian witchcraft processes of the second half of the 18th century and its specificity”, in Baiburin, A.K. (ed.), *Antropologiya. Fol’kloristika. Lingvistika. Sbornik statei, vyp. 2* [Anthropology. Folklore studies. Linguistics: a collection of articles. Issue 2], EUSPb Press, Saint Petersburg, Russia, pp. 170–193.
- Mikhailova, T.V. (2006), “Magical practices: crime and everyday life (based on the materials of ‘magical processes’ of the second half of the 18th century)”, *Sny Bogoroditsy: issledovaniya po antropologii religii* [Bogoroditsa’s dreams: studies in the anthropology of religion], EUSPb Press, Saint Petersburg, Russia, pp. 32–52.
- Mikhailova, T.V. (2018), *Ot kolduna do sharlatana: koldovskie protsessy v Rossiiskoi imperii XVIII veka (1740–1800)* [From sorcerer to charlatan: witchcraft processes in the Russian Empire of the 18th century (1740–1800)], EUSPb Press, St. Petersburg, Russia.
- Ostling, M. (2011), *Between the devil and the host: imagining witchcraft in Early Modern Poland*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Roper, L. (1994), *Oedipus and the Devil: Witchcraft, Sexuality and Religion in Early Modern Europe*, Routledge, London, UK.
- Smilyanskaya, E.B. (2016), *Volshebniki, bogokhul’niki, eretiki v setyakh rossiiskogo syska XVIII veka* [Sorcerers, blasphemers, heretics in the networks of the Russian investigation of the 18th century], Lomonosov, Moscow, Russia.
- Worobec, C. (2001), *Possessed: women, witches, and demons in imperial Russia*, Northern Illinois University Press, DeKalb, IL, USA.

Информация об авторе

Екатерина А. Кузнецова, независимый исследователь, Екатеринбург, Россия; aikaterininero@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Kuznetsova, independent researcher, Ekaterinburg, Russia; aikaterininero@gmail.com